

91 (C19)

111-86

2160

52

№ 214.

НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

К

91 (319)
III - 86

U 91 63.3(2P5)5-7
III 86 H 37

НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

(Три года въ Уссурійскомъ краѣ).

Съ 36-ю рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края.

Д. И. Шрейдера.

БИБЛИОТЕКА
ВВА РККА

Российской Императорской
и Императорской Академіи наукъ
БИБЛИОТЕКА

~~МОСКОВСКАЯ
Ветеринарная Академія
№ 88527
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

720465

63.3(2P5)5-7

H 37

Дозволено цензурою. С.-Пб. 10-го ноября 1897 г.

Типографія «В. С. Балашева и К^о». Фонтанка, 95.

ПРОВЕРЕНО

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Скудость свѣдѣній о нашей далекой восточной окраинѣ и почти полное незнакомство обывателей Европейской Россіи съ нашимъ дальнимъ Востокомъ побудили автора не ограничиваться печатавшимися имъ разновременно (въ 1894—1897 гг.) въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ очерками изъ жизни и быта далекаго русскаго Востока, а сгруппировать въ одно цѣлое имѣющіеся въ его распоряженіи матеріалы и предложить ихъ въ этомъ видѣ вниманію читателей.

При изложеніи предлагаемыхъ ниже очерковъ, представляющихъ собою попытку познакомить читателей съ наиболѣе выдающимся сторонами жизни нашей далекой восточной окраины, насколько онѣ останавливали на себѣ вниманіе автора во время его трехлѣтнихъ скитаній (съ 1891 по 1893 г. включительно) по ней, — авторъ, въ видахъ наиболѣе полного ознакомленія читателей съ окраиной, не счелъ возможнымъ ограничиться одними своими личными наблюденіями и впечатлѣніями и тамъ, гдѣ это признавалось имъ необходимымъ, пополнялъ добытыя имъ лично свѣдѣнія тѣми данными, которыя онъ находилъ въ различныхъ источникахъ, подробнѣе указанныхъ въ текстѣ очерковъ.

Авторъ считаетъ необходимымъ оговориться, что онъ далеко не исчерпалъ ни всѣхъ матеріаловъ, имѣющихся у него въ распоряженіи, ни всего описываемаго въ настоящей книгѣ.

Между прочимъ, авторъ коснулся лишь вскользь и въ общихъ чертахъ вопроса о переселенцахъ, въ виду того, что мѣсто ему, по мнѣнію автора,—не въ настоящихъ бѣглыхъ очеркахъ, рассчитанныхъ притомъ-же на такъ наз. большую публику. Этому вопросу, а также подробному обзорѣнію условій быта и хозяйственной жизни переселенцевъ, авторъ считаетъ болѣе умѣстнымъ посвятить специальную и самостоятельную работу, которая въ настоящее время и готовится имъ къ печати.

Авторъ считалъ также излишнимъ подробно распространяться о населяющихъ край представителяхъ японскаго племени, удѣливъ имъ на страницахъ предлагаемыхъ очерковъ мѣсто лишь въ предѣлахъ необходимости. Основные черты этихъ „французовъ Востока“ не претерпѣли существеннаго измѣненія вслѣдствіе иммиграціи ихъ на нашу окраину, и автору пришлось-бы, такимъ образомъ, лишь повторить все то, что имъ сказано о японцахъ раньше въ книгѣ „Японія и Японцы“.

Равнымъ образомъ, авторъ счелъ умѣстнымъ не касаться функционировавшихъ во время его пребыванія въ краѣ дореформенныхъ судебныхъ учрежденій, съ дѣятельностью которыхъ онъ имѣлъ возможность близко познакомиться. Со 2-го іюля текущаго года эти учрежденія отошли уже въ область преданій, и мѣсто имѣющимъ въ распоряженіи автора матеріаламъ, касающимся ихъ,—скорѣе на страницахъ историческаго журнала.

Около половины рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ очерковъ, — фотографическіе снимки, вывезенные авторомъ изъ Уссурійскаго края. Остальные-же рисунки заимствованы: съ любезнаго разрѣшенія г. К. — изъ принадлежащаго ему альбома фотографическихъ видовъ и кн. Э. Э. Ухтомскаго — изъ 4-й ч. „Путешествія Государя Императора Николая II на Востокъ“ (Спб. — Лейпцигъ, 1895).

Авторъ.

Москва, 7 октября 1897 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Гл. I. На дальній востокъ	1
Въ заливѣ Петра Великаго.—Странное облако.—Безпросвѣтный туманъ.—Вопли сирены.—Близъ „Ослиныхъ ушей“.—Въ проливѣ.—На рейдѣ —Мы приѣхали!	
Гл. II. Первые впечатлѣнія	9
Квартирный вопросъ.—У открытаго окна.—Первое утро во Владивостокѣ.—Туманъ.—Мань-цзы.—Каули.—Происхожденіе ихъ.—Корейская иммиграція.—Судьба каули.—Въ корейской фанзѣ.—Ея ужасная обстановка.—Оригинальныя нары.—Въ европейскихъ кварталахъ.—Къ чему долженъ привыкнуть туристъ?—Особенности мѣстнаго движенія.—На манзовскомъ базарѣ.—Въ китайской лавкѣ.—Своеобразный характеръ китайской торговли.—Чѣмъ страшна китайская конкуренція?	
Гл. III. Страничка изъ недавняго прошлаго	27
Неправильныя представленія европейца.—Скудость свѣдѣній объ окраинѣ.—Тридцать шесть лѣтъ назадъ.—Таинственное королевство Бохай.—Появленіе „Манджура“.—Port Maу.—Исторія Владивостока.—Жизнь прежде.—Роль мѣстнаго солдата.—Владивостокъ или Ольга?—Общественная жизнь.—„Клубъ ланцепуповъ“.—Игра въ тигра.—Странныя забавы.—„Алямуръ“.—Роль Владивостока.	
Гл. IV. Манзы	48
Роль и значеніе манзы прежде и теперь.—Имиграція китайцевъ.—Отношеніе властей.—Восьмидесятые годы.—Наплывъ манзъ.—Русская колонизація.—Административныя мѣры.—Сомнѣнія.—Манза и русскій.—Мои впечатлѣнія.—Гномъ и богатырь.—„Вкусъ къ работѣ“.—Характеристика Максимова.—Обѣдъ.—„Его много не нузи“.—Въ Шанхаѣ.—Манзовскія артели.—Роль рядчиковъ.—Сцилла и Харибда.—„Немножко повѣсить“.—Остроумные контрагенты.	

- Гл. V. „Русско-китайскій“ діалектъ. 68
 Оригинальный способ бесѣды.—Что такое русско-китайскій языкъ?—Его своеобразныя и отличительныя особенности.—Китайскій законъ.—Сколько у „боха“ „приказчиковъ“?—Мѣры къ изученію китайскаго языка.—Трудности его.—Китайскіе гіероглифы.—Поразительное явленіе.—„Ето компанія“.—Симпатичный обычай.—*Pium desiderium* кули.—Трогательная привязанность.
- Гл. VI. Въ гостяхъ у Ли-хун-чу 81
 Невозможность сближенія съ манзами.—Причины.—Предвзятые взгляды.—Результаты этого.—Ли-хун-чу.—Мое удивленіе.—Почему меня „самъ царь любви есть“?—Въ гостяхъ у Ли-хун-чу.—Кон-до-шенъ.—Кули.—Неловкое молчаніе.—Бесѣда съ Кон-до-шеномъ.—Чѣмъ пахнетъ русскій?—Китайская трапеза.—Отношеніе манзъ къ „капитану“.—Чѣмъ оно вызвано?—Откровенность моего собесѣдника.—Въ китайской игорной фанзѣ.—Горе Чжэнъ-Люнь-Сяня.
- Гл. VII. Вѣлый мѣсяцъ. 100
 Начало февраля.—Въ ожиданіи „бѣлаго мѣсяца“.—„Цаганъ-саръ!“—Праздничная трапеза.—Ночная молитва.—Необычная фізіономія города.—Визиты.—Манзовскіе кварталы.—Китайскія дѣти.—Прискорбный обычай.—Шанъ-юанъ.—Процессіи.—Уличныя представленія.—Обычай „кады“.—Бъ курильнѣ опиума.—Тяжелое зрѣлище.
- Гл. VIII. Амурскимъ заливомъ 113
 Отѣздъ изъ Владивостока.—На катерѣ.—Въ Амурскомъ заливѣ.—Окрестные виды.—Недавнее прошлое.—Китайскіе пираты.—Впечатлѣнія Лаперуза.—Подвиги Невельскаго.—Отзывы иностранцевъ.—Мечты объ Амурѣ.—Неудачныя попытки.—Разрѣшеніе вѣковаго вопроса.—Безумная отвага и дерзость Невельскаго.—Императоръ Николай I и Геннадій Невельской.—Дальнѣйшіе подвиги.—Молодая смолянка.—Тайфунъ.—Въ опасномъ положеніи.—На банкѣ.—У спасательной станціи.
- Гл. IX. Южнымъ берегомъ. 137
 По рѣкѣ Монгугаю.—Рѣка заперта цѣпью.—Уссурійскіе лѣсопромышленники.—Мѣстная погода и климатъ.—Факторы, вліяющіе на ихъ установленіе.—Оригинальный проектъ.—Почтовая станція.—Природа и виды.—Прибрежные лѣса.—Разрушительное дѣйствіе тумановъ.—Внезапный испугъ.—„Гнусъ“.
- Гл. X. Въ корейской деревнѣ 150
 На почтовой дорогѣ.—„Зеленая лощина“.—Наглость и дерзость таежнаго хищника.—Природа.—Тизинъ-хе.—Корейское поле.—Мое недоумѣніе.—Корейская деревня.—Корейки.—Старшина.—Фанза.—Нечистоплотность.—Корейскіе взгляды.—

Виѣшность корейцевъ.—Характеръ этого племени.—Историческія и политическія причины.—Противорѣчія.—Миѣніе англичанина.—Корейская шляпа.—Ея значеніе.—Взглядъ на безбородыхъ.—Сорокалѣтнія дѣти.—Корейскій языкъ.—Трудность произношенія.—Корейская женщина.—Отсутствіе имени.—Ея положеніе на родинѣ и на нашей окраинѣ.—Легкомысленный вопросъ моего спутника.—Гнѣвъ старшины.—Странная встрѣча.—Кореецъ въ траурѣ.—Корейскій трауръ и его послѣдствія.—Обѣдъ.—Корейская культура полей.—Поразительная урожайность. Причины.—Незначительность благосостоянія.—Условія сбыта.—Отсутствіе живого инвентаря.—Корейцы на нашей окраинѣ.—Вопросъ о „шишкахъ“.—Письмо крещенаго корейца.—Отзывъ американскаго туриста.

Гл. XI. Везпримѣрный походъ 179

Зима 18... года въ Корей. Голодъ.—Потрясающее путешествіе.—Разсказъ Ту-юн-шана.—Начало везпримѣрнаго похода.—Гибель спутниковъ.—Покушеніе.—У хунъ-хузовъ.—Борьба за жизнь.—Появленіе корейцевъ.—На пути къ Владивостоку.—На льду амурскаго залива.—Суйфунъ.—Гибель путешественниковъ.—Печальный конецъ корейскаго похода.

Гл. XII. На корейско-китайской границѣ 198

Снова тарантасъ и почтовая тройка.—Уссурійская степь. Печальныя картины.—Ближе къ границѣ.—Характеръ пограничнаго округа.—Безпаспортныя манзы.—Безплодность борьбы.—Тайга.—„Тайныя“ манзы.—Въ виду границы.—Природа и виды.

Гл. XIII. Въ пограничныхъ урочищахъ 208

Постъ Посветъ.—Рейдъ.—Физиономія поста.—Отсутствіе женщинъ и дѣтей.—Характеристика манзы.—Переходъ Тифонта въ русское подданство.—Условія перехода.—Вліяніе корейско-маньчжурской границы.—Чума и падежи.—Прекращеніе сообщеній.—Падежъ птицъ.—Грустный ландшафтъ.—Новокіевское.—Самоубійства.—Условія жизни на дальней окраинѣ.—Знаменательная эпитафія.

Гл. XIV. Хеми и хунъ-хузы 222

Невѣроятный слухъ.—Похищеніе Хе-ми хунъ-хузами.—Разсказъ Хе-ми.—Его опасенія.—Что такое хунъ-хузы?—Взаимодѣйствіе культуръ.—Результаты.—Миѣніе мѣстныхъ жителей.—Сгущеніе красокъ.—Четыре миѣнія.—Неправильность ихъ.—Истинная физиономія хунъ-хуза.—Ихъ обращеніе съ корейцами и китайцами.—Отношеніе къ русскимъ.—Приключеніе съ Хиномъ.—Подвиги въ Маньчжуріи.—Взгляды китайцевъ.—Поразительные факты.—Набѣгъ на желѣзнодорожную станцію.—Миѣніе старожила.—Китайская расправа.—Вредныя послѣдствія смертныхъ приговоровъ.

Гл. XV. На морскихъ промыслахъ 252

Посьетскій заливъ.—Мечты Муравьева-Амурскаго.—Ихъ неосуществимость.—Рыбныя ловли.— Хищничество.— Въ бурнахъ.— На японской «фуне».— Среди водолазовъ.— Ловъ трепанговъ.— Мои спутники-японцы.— Странный водолазь.— Подвиги китайскихъ пиратовъ.— Акулы.— Берегъ залива.— На промыслахъ морской капусты.— Упадокъ промысла.— Причины.— Хищничество.— Морская капуста.— Особенности ея.— Европейцы и китайцы.— Обостренныя отношенія.— Кто виноватъ?— Способы добычи.— Китайскіе кули и маньчжурь.— Взаимныя отношенія.— Расплата съ рабочими.— Безпросвѣтная кабала.— Тормазы для развитія русскихъ промысловъ.

Гл. XVI. Японскимъ моремъ 278

Заливъ вечеромъ.— На палубѣ „Новика“.— Мысь Гамовъ.— О. Фуругельмъ.— Сивучи и нерпы.— Берегъ материка.— Жертвоприношенія манзъ.— Впечатлѣнія.— Мѣры къ развитію русскаго каботажа.— Плаваніе у береговъ Уссурійскаго края.— Отзывъ моряка.— Отсутствіе безопасности.— Неувѣренность моряковъ.— Недостатки картъ, промѣровъ и лоци.— Приѣздъ.

Гл. XVII. Въ тайгѣ 291

Давленіе окраины.— Средство его избѣжать.— „На Сучанъ“.— Преддверье тайги.— Я—въ тайгѣ.— Картины и виды.— Фауна и флора.— Аномалія.— У одинокаго манзы.— „Пантачъ“.— Исторія манзы.— Жень-шенъ.— Пластиціи.— Полиція въ тайгѣ.— Оригинальный походъ.— Искусственная культура жень-шеня.— Приготовленіе.— Инертность русскаго населенія.

Гл. XVIII. У старожиловъ 310

Вблизи людскаго поселенія.— Печальныя картины.— Истребители лѣса.— Древесные грибы.— Шкотово.— Старожилы.— Ихъ положеніе.— Условія жизни.— Неувѣренность.— Вѣчные странники.— Тигры.— Комическіе случаи.— Драмы въ тайгѣ.— Тайга весною и лѣтомъ.— Охота.— Ходъ козы.— Манзы.

Гл. XIX. Паль 326

Буря въ тайгѣ.— На почтовой станціи.— „Паль“.— Грандіозный костеръ.— Участь лѣсныхъ обитателей.— Грустная картина.— Борьба съ лѣсоистребленіемъ.— Условія борьбы.— Лѣсоистребители.— Отношеніе населенія.— На куполообразной горѣ.— Виды.— Тайга.— Ея жизнь и ея обитатели.— «Китайскія республики».— Причины.— Св. Ольга.— Забытый край.

Гл. XX. По Сучану 345

Сучанская долина.— Стихійныя бѣдствія.— Жалобы на мало- и многоземелье.— „Перепроизводство“ зерна.— Странное явленіе.— Причины.— Тайнственная обстановка.— Новоселы-переселенцы.— Неожиданность.— Единоличное.... общество.— Пути сооб-

„Будучи обезпечено столь значительною рабочею силою (до 3,000), управление работами оказалось въ состояніи установить и выдерживать умѣренныя цѣны, пока, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, у частныхъ подрядчиковъ не сформировались артели рабочихъ изъ китайцевъ и русскихъ вольнонаемныхъ людей. Для достиженія указаннаго выше результата, т.-е. для нормировки цѣнъ, плата за работы каторжнымъ была опредѣлена еще до приступа къ работамъ, такъ сказать принципиально, безъ соотношенія къ мѣсту сихъ работъ и частнымъ условіямъ производства каждой изъ нихъ въ отдѣльности. На дѣлѣ это имѣло весьма существенное значеніе и потребовало, по окончаніи работъ, ходатайства о нѣкоторомъ возвышеніи означенной платы. Однако и съ такими добавленіями стоимость работы преступниковъ, рассчитанная исключительно на покрытіе текущихъ расходовъ, была наименьшая изъ всѣхъ способовъ производства работъ на Владивостокско-Графскомъ участкѣ“.

Съ окончаніемъ работъ на Владивостокско-графскомъ участкѣ, для котораго собственно и были учреждены желѣзнодорожныя каторжныя команды, весною 1894 г. онѣ были расформированы и отправлены на островъ Сахалинъ.

„Съ 23-го апрѣля 1891 года по 1-е ноября 1893 года каторжными и поселенцами исполнено на Уссурійской желѣзной дорогѣ земляныхъ работъ на 897,893 р. 65 к. и лѣсныхъ заготовокъ на 274,741 р. 40 к. Въ теченіи этого времени въ командахъ состояло отъ 600 до 3,000 человекъ (въ среднемъ 1,816 чел.), и, въ общемъ, за все время существованія командъ, обернулось 2,061,854 списочныхъ поденщины. Опытъ выяснилъ, что работы каторжныхъ, весьма полезныя въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, тѣмъ менѣе выгодны и желательны, чѣмъ чаще приходится передвигаться съ лагеремъ рабочихъ съ мѣста на мѣсто, и чѣмъ работы менѣе скучены. Накладные расходы для устройства и быта командъ, а также надзора за работающими въ этихъ послѣднихъ условіяхъ непомѣрно возрастаютъ. Оказалось также, что поведеніе преступниковъ въ командахъ, при трудности надзора за ними въ тайгѣ, при отсутствіи тюремныхъ помѣщеній, хотя и можно назвать удовлетворительнымъ, но бѣглыми совершено не мало преступленій, нарушающихъ спокойное развитіе нашего юнаго края, и при всѣхъ усиліяхъ администраціи отъ этого зла чрезвычайно трудно отдѣлаться. Опасеніе моего предмѣстника, генералъ-адъютанта барона Корфа, относительно неблагопріятнаго вліянія работъ каторжныхъ на общій ходъ жизни Приамурья, вполне подтвер-

дилось. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ вышесказаннаго, что къ призыву каторжныхъ на работы желѣзныхъ дорогъ слѣдуетъ прибѣгать исключительно только въ крайности, при совершенномъ неимѣннн другихъ рабочихъ, съ тщательною осторожностью, останавливаясь лишь на тѣхъ случаяхъ, гдѣ мѣстныя условія дѣйствительно благопріятствуютъ этому исключительному способу работъ, не увлекаясь имъ. Въ густо населенномъ, старинномъ краѣ присутствіе нѣсколькихъ тысячъ преступниковъ возможно обстановитъ внѣ вліянія на мѣстное населеніе. Здѣсь же, въ едва начинающей заселяться странѣ, совсѣмъ другое“.

Просматривая официальные „приказы по временному управленію желѣзнодорожными каторжными командами“, мнѣ приходилось то и дѣло наталкиваться на приказы, которые иллюстрируютъ чиновъ подвѣдомственной начальнику каторги администраціи съ крайне прискорбной стороны: „отсутствіе основныхъ началъ дисциплины и служебнаго порядка среди служащихъ“, „неисполненіе приказовъ“, прямое „ослушаніе“, „дерзость и непочтительность“, даже по отношенію къ высшимъ и т. п.—красною нитью проходятъ черезъ всѣ эти приказы. Такимъ же неблагонадежнымъ составомъ чиновъ мѣстной каторжной администраціи можно объяснить себѣ частые переводы и перемѣщенія служащихъ съ мѣста на мѣсто, что уже само по себѣ должно крайне вредно и неблагопріятно отражаться на участи арестантовъ. Естественно, что о такую преграду, уже помимо всего прочаго, могутъ разбиться въ прахъ даже самыя лучшія желанія.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу на выдержку нѣсколько „приказовъ“.

Приказъ отъ 16-го іюля 1891 г. за № 257 констатируетъ фактъ отсутствія основныхъ началъ дисциплины и служебнаго порядка среди служащихъ, а равно и фактъ неисполненія многихъ приказовъ начальника каторги. Приказомъ (№ 12) отъ 10-го февраля 1893 г. назначается формальное слѣдствіе надъ старшимъ смотрителемъ одной команды по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ одной изъ статей уложенія о наказаніяхъ. Приказъ (№ 35) отъ 27-го мая 1893 г. устраниваетъ отъ исполненія обязанностей одного изъ смотрителей командъ вслѣдствіе заявленія начальнику каторги личныхъ жалобъ каторжниковъ на превышеніе имъ власти и т. п.

Особливое положеніе занимаютъ здѣсь каторжники, состоящіе въ должности прислуги у начальствующихъ лицъ. Нѣкоторымъ (это, конечно, зависитъ отъ того, у кого имъ приходится служить) живется срав-

нительно недурно. Самое важное—это то, что каторжники этой каторги пользуются однимъ изъ драгоценныхъ даровъ, котораго лишены все прочіе,—сравнительной свободой, хотя-бы только въ тѣсныхъ предѣлахъ лагеря. Иные изъ нихъ достигаютъ даже иногда особаго довѣрія и вслѣдствіе этого и самое ихъ положеніе обособляется на каторгѣ. Мнѣ вспоминается, на примѣръ, рослая, могучая фигура одного каторжника-черкеса, занимавшаго роль охранителя при начальникѣ каторги и сопровождавшаго его всюду, какъ самая вѣрная собака. Даже по внѣшнему виду онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ собратьевъ по несчастью: высокая кавказская шапка черного барашка, кавказскій бешметъ и даже кавказскій кинжалъ — были постоянными и безсмѣнными принадлежностями его костюма. Пользуясь особымъ довѣріемъ и сравнительно большой свободой, онъ, однако-же, никогда не злоупотреблялъ ею, не взирая на свой дикій, необузданный, свободолюбивый нравъ.

Вспоминается мнѣ еще Яковъ Прыльпа, черкасскій хохоль, попавшій на каторгу за участіе въ самосудѣ надъ конокрадомъ. Нынѣ онъ состоялъ банщикомъ при инспекторской банѣ.

Наивный, простой, добродушный и феноменально честный (по отзывамъ всѣхъ знающихъ его) онъ производилъ крайне тяжелое и удручающее впечатлѣніе. По его словамъ (а онъ рассказываетъ объ этомъ такъ искренно, что ему нельзя, не вѣрить) онъ взялъ чужой „грѣхъ“ на себя, какъ велѣла „громада“, чтобы вызволить „стариковъ“. „Страшно тутъ съ злодіями“ — сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ. Не зная за собой ничего дурного, онъ искренно считалъ всѣхъ прочихъ товарищей „злодіями“, о которыхъ онъ рассказывалъ подчасъ невѣроятныя по своей наивности вещи. Морской переѣздъ (вокругъ Азіи) произвелъ въ немъ какой-то сумбуръ, въ которомъ перемѣшаны были факты дѣйствительности съ самыми странными фантазіями.

Вотъ что рассказывалъ онъ мнѣ, на примѣръ, о существующихъ на пароходѣ, перевозящемъ каторжниковъ, способахъ укрощенія ихъ.

— „Якъ заведутся оти прокляти татаре (каторжники), такъ у насъ такой гоминъ (шумъ),—неначе въ пекли (аду). Та тилько зъ нымы ахвыцеры и уміють справляться... Схватютъ одного, кнутъ въ Камчатку, чи-то въ канцерь; якъ посыдыть тамъ, — такъ и лопне: одъ раза—брыкъ и лопне!...

— „Ось бачышь, лопнувь,—показуетъ намъ ахвыцерьъ, то и вамъ буде!“...

Прылыпа, очевидно, имѣлъ въ виду имѣющуюся на пароходѣ камеру, въ которую сажаютъ провинившихся преступниковъ.

Праздничный день и къ тому-же ненастье. Работы прекращены, и вся каторга съ самаго ранняго утра сидитъ въ своихъ баракахъ *). Темный и мрачный баракъ кажется еще угрюмѣе и печальнѣе подѣ давящей его сѣрой, свинцовой тучей, извергающей цѣлые потоки воды на раскисшую отъ продолжительнаго ливня землю. Тоскливо и уныло въ баракѣ, но выйти нельзя: вооруженный конвой зорко охраняетъ единственную выходную дверь и тщательно слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ и шумомъ въ баракѣ.

Но внутри, повидимому, все тихо, и ничто не возбуждаетъ подозрѣній въ конвойномъ: онъ такъ-же часто и мѣрно совершаетъ обычный свой кругъ, какъ и прежде.

Между тѣмъ, внутри далеко не спокойно.

Пользуясь выпавшимъ ей на долю рѣдкимъ праздникомъ, каторга старается наверстать потерянное время и, по-своему, развлекается. Тамъ внутри идетъ теперь большая картежная игра, распивается водка, наполовину разбавленная водой, и идутъ всякія другія азартныя игры. Подѣ личиной наружнаго хладнокровія и спокойствія, усыпляющей бдительность зоркаго стража, играютъ и разгораются самыя жестокія страсти. Обезопасивъ себя со стороны зоркаго глаза конвойнаго путемъ установленія цѣлаго ряда сигнальщиковъ, какъ-бы невинно разглядывающихъ дверное окошко, а между тѣмъ тщательно и неослабно слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ караульныхъ,—каторжники расходятся во-всю, не сдерживая своихъ страстей. Но стоитъ сигнальщику полушопотомъ произнести условное слово „вода“, „24“ и т. д., какъ карты и водка моментально исчезаютъ, лица игроковъ, за мгновенье до этого чуть не дошедшихъ до ножей, сразу преображаются, и самый тонкій психологъ не замѣтилъ-бы ничего подозрительнаго въ нихъ.

Страсть къ азарту во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ чрезвычайно распространена среди каторжныхъ. Страсти разгораются иногда до того, что иные проигрываютъ не только всѣ свои наличныя, кровавымъ трудомъ заработанныя деньги и вещи, но и свои пайки: хлѣбъ,

*) Ссылно-каторжные обыкновенно не освобождены отъ работъ въ праздничные дни, когда сокращается только немного продолжительность рабочаго дня.

мясо и проч., иногда на мѣсяць и два-три впередъ. И это—при неустанномъ, тяжкомъ, ежедневномъ трудѣ!

Чѣмъ только живы они въ это время,—просто диву даешься.

Ни бдительный надзоръ, ни суровыя, грозныя кары не въ силахъ уберечь заключенныхъ отъ азарта и водки, — этой единственной ихъ отрады и утѣшенія въ тяжеломъ каторжномъ режимѣ. Для приобрѣтенія и охраненія этихъ двухъ запрещенныхъ предметовъ каторжные проявляютъ большую ловкость и сметку, ставящихъ только въ тупикъ зоркихъ стражей.

Ловко умѣютъ концы скрывать каторжники, ни по-что имъ ни цѣпи, ни стѣны, ни бдительный глазъ караула, но не все имъ легко сходить съ рукъ: тюремная Θεмида грозна, страшна и почти каждый день проявляетъ здѣсь надъ ними свою власть. Самымъ обыкновеннымъ, частымъ и наиболѣе мягкимъ видомъ наказанія служатъ здѣсь розги. Наложение этого наказанія не всегда требуетъ соответствующаго приказа по каторгѣ и въ извѣстныхъ случаяхъ (напримѣръ, во всѣхъ случаяхъ маловажныхъ проступковъ) предоставляется личному усмотрѣнiю низшихъ агентовъ тюремной администраціи съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ одинъ приемъ они могутъ дать провинившемуся каторжнику не болѣе тридцати ударовъ розогъ.

По мнѣнiю высшей мѣстной администраціи, тѣлесное наказаніе не является, однако-же, вполне достигающимъ цѣли и „взамѣнъ чрезмѣрно-частаго тѣлеснаго наказанія, по отношенію къ которому ссыльно-каторжные пришли къ полному равнодушiю“, для случаевъ болѣе важныхъ здѣсь установлена „штрафная камера“—каземать.

Это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ видовъ наказанія. Сверхъ заковычанія въ ручные и ножные кандалы, преступники содержатся на общей цѣпи съ прочными замками въ камерѣ, запертой, въ свою очередь, на замокъ и охраняемой усиленнымъ патрулемъ. Верхняя одежда допускается при этомъ лишь „въ предѣлахъ необходимости“. Въ теченіи первыхъ десяти дней арестантамъ, по распоряженію начальника каторги, полагается ограниченный „раціонъ“—2 ф. хлѣба, одинъ золотникъ чая и черезъ три дня въ четвертый — горячая пища, т.е. одинъ супъ безъ мяса. Позже каждому прибавляется по полъ-фунта хлѣба.

„Штрафная камера“, существовавшая во время моего пребыванія въ лагерѣ, явилась на смѣну „глиномяльной машины“,—о которой я могу судить лишь по видѣнному мною здѣсь фотографическому снимку ея. Устройство ея крайне несложно. Изъ середины глубокой ямы,

наполненной глиною, поднимается высокій деревянный столбъ, свободно вращающійся вокругъ своей вертикальной оси. Отъ верхняго края столба, подъ угломъ приблизительно въ 60° , идутъ къ краямъ ямы поперечныя балки, концы которыхъ отстоятъ отъ уровня глины въ ямѣ вершка на $2-2\frac{1}{2}$. Вся эта система напоминаетъ огромное колесо съ кривыми спицами, но безъ обода. Отъ концовъ этихъ балокъ висятъ лямки, въ которыя впрягаются преступники на манеръ нашихъ поволжскихъ бурлаковъ прежняго времени и приводятъ въ движеніе всю эту систему, мѣся въ то же время глину ногами. Разница только въ томъ, что здѣшніе бурлаки закованы въ ручные и ножные кандалы и скованы, сверхъ того, общею цѣпью.

Ссылно-поселенцы подвергаются обыкновенно почти тѣмъ же наказаніямъ, что и ссылно-каторжные. Дѣло въ томъ, что за всякое важное нарушеніе они почти всегда обращаются „во временныя заводскія работы“, т.-е. въ тѣ же каторжныя, на время до полугода, сверхъ обычнаго тѣлеснаго наказанія, и затѣмъ, уже въ качествѣ временно-каторжныхъ, подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ и случайностямъ своего новаго положенія.

Самымъ обычнымъ и частымъ явленіемъ, вызывающимъ суровую репрессію со стороны мѣстной администраціи, являются здѣсь побѣги. Нужно удивляться той энергіи, изворотливости, хитрости и изобрѣтательности, которую проявляютъ каторжники въ этомъ отношеніи, преодолевая самыя невозможныя преграды. Строго говоря, бѣжать здѣсь, повидимому, не только невозможно, но и прямо некуда, и, однако-же, каторжника, замыслившаго совершить побѣгъ, не можетъ уже ничто остановить на пути къ желанной имъ свободѣ, за которую ему всегда приходится очень и очень дорого расплачиваться. Бѣжать здѣсь, дѣйствительно, некуда. Къ сѣверу есть лишь одна дорога: почтовый трактъ до озера Ханка и далѣе до р. Усури, вплоть до Хабаровска. Бѣжать этимъ путемъ—совершеннѣйшее безуміе, такъ какъ на каждой станціи бѣглець рискуетъ быть пойманнымъ. Другихъ дорогъ къ сѣверу нѣтъ: есть лишь въ чащѣ непроходимой тайги звѣриныя тропы,—но слѣдовать этимъ путемъ значить идти на вѣрную смерть отъ голода или отъ хищныхъ звѣрей. Къ югу—не лучше бѣжать, Крайнимъ пунктомъ является здѣсь Владивостокъ, куда бѣглецу, понятно, и носа показать нельзя. Но и въ немногочисленныхъ промежуточныхъ населенныхъ пунктахъ,—хуторахъ новоселовъ,—также невозможно скрываться: всѣ эти хуторки расположены по линіи единственной проѣзжей дороги,—почтоваго тракта, на которомъ всегда довольно частое и большое дви-

женіе: тѣ-же немногочисленныя проселочныя дороги, которыя лежать въ стѣрѣнѣ отъ почтоваго тракта, обитаемы всѣ почти отдѣльными поселенческими и каторжными командами и находятся подъ неослабнымъ надзоромъ мѣстной тюремной администраціи. Не лучше бѣжать и къ западу, гдѣ бѣглымъ каторжникамъ всегда грозитъ опасная встрѣча съ китайскими разбойниками—хунъ-хузами. Бѣжать къ востоку—еще большее безуміе: отъ Великаго океана ихъ отдѣляютъ тысячеверстная тайга и зорко-подстерегающіе ихъ гиляки и гольды. — эти извѣстные здѣсь страстные „охотники по бѣглымъ“.

Не нужно также упускать изъ вида, что мѣстное хуторское населеніе—новоселы, недавно основавшіеся въ краѣ и незараженные старинными сибирскими традиціями и исконнымъ дружелюбнымъ отношеніемъ, сочувствіемъ и участіемъ къ „несчастненькимъ“. Въ то время, какъ напримѣръ, въ Центральной и Западной Сибири бѣглый каторжникъ почти всегда можетъ рассчитывать если не на гостепримство и радушный приемъ, то хоть на пищу, которая выносится ему сибиряками, по установившемуся обычаю (особенно въ уединенныхъ заимкахъ), за околицу, или оставляется ими на завалинкахъ, — здѣсь, въ Уссурійскомъ краѣ, населеніе встрѣчаетъ всякаго бѣглаго, какъ своего прямого врага, пулей. Само собою, такое отношеніе вызвало со стороны бѣглыхъ каторжниковъ и горячій протестъ, выражающійся здѣсь въ рядѣ убійствъ, разбоевъ и грабежей, являющихся прямымъ послѣдствіемъ и отголоскомъ всякаго побѣга.

Бѣглые каторжники, точно затравленные звѣри, преслѣдуемые и природой, и людьми, и муками голода, озлобляются, ожесточаются и идутъ на всякія звѣрства, о какихъ, напримѣръ, въ Западной Сибири не часто слышно и за которыя они иногда расплачиваются своими головами и почти всегда—своей свободой.

И, тѣмъ не менѣе, каторжники бѣгутъ и довольно часто *). Бѣгутъ, не взирая на угрожающую имъ страшную кару, не взирая на совсѣмъ невозможныя условія бѣгства, непреодолимыя препятствія и муки голода, очень часто вынуждающія ихъ добровольно возвращаться обратно. Незадолго до моего отъѣзда бѣжало нѣсколько человѣкъ.

*) Въ 1891 г., напр., бѣжало 11% общ. колич. ссыльно-каторжныхъ; задержано или убито — 5%; осталось въ бѣгахъ 6%. Въ 1892 г. бѣжало 6,5% общ. колич. ссыльно-каторжныхъ; задержано или убито — 3,1%; осталось въ бѣгахъ 3,4%. Въ 1893 г. (первое полугодіе) бѣжало: 12% общаго количества ссыльно-каторжныхъ; задержано или убито—4%; осталось въ бѣгахъ 8%.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ однажды утромъ явился одинъ изъ нихъ (татаринъ): изможденный, изсохшій, онъ еле держался на ногахъ отъ голода. Увидѣвъ у околицы лагеря прогуливавшуюся въ то время жену одного изъ служащихъ, онъ упалъ ей въ ноги и просилъ ея заступничества. „На Кавказѣ барина просить умѣлъ, а этого (т.е. зрителя) не умѣю“—все время бормоталъ онъ еле слышнымъ отъ слабости голосомъ. Оказалось, что онъ уже четыре дня ничего не ѣлъ. Да и передъ тѣмъ цѣлыхъ шесть дней онъ слонялся по тайгѣ, питаясь орѣхами и дикимъ виноградомъ и не рискуя показаться на дорогу или въ ближайшій хуторокъ, гдѣ его встрѣтила-бы или пуля, или арестъ.

Обыкновенно и большинство каторжниковъ, бѣгущихъ поодиночкѣ, подвергаются той-же участи и, въ концѣ-концовъ, изнемогаютъ въ безсильной борьбѣ съ муками голода и добровольно отдаются въ руки строго-карающаго ихъ тюремнаго правосудія.

Нѣсколько лучше устраиваются бѣглые, бѣгущіе партіями. Они нападаютъ обыкновенно на какую-нибудь уединенную заимку, не останавливаясь ни предъ грабежемъ, ни предъ убійствомъ, и, запасшись провизіей, а если возможно, то и одеждой и оружіемъ, устраиваютъ себѣ логовище въ тайгѣ, недалеко отъ почтоваго тракта, держа въ страхъ весь округъ до тѣхъ поръ, пока или зима не выгонитъ ихъ обратно въ команды, или пока ихъ не переловятъ или не перестрѣляютъ поодиночкѣ.

Особенно выдающимся въ этомъ отношеніи былъ 1891 годъ, т.е. первый годъ учрежденія желѣзнодорожныхъ каторжныхъ командъ, когда массовые побѣги каторжныхъ наводили прямо какой-то ужасъ на мирныхъ обывателей Владивостока *). Городъ былъ буквально терроризированъ, особенно послѣ того, какъ однажды среди бѣлаго дня (это было въ началѣ сентября), въ двухъ шагахъ отъ города убили мичмана Руссоло съ только-что прибывшей въ портъ французской эскадры, и спустя нѣсколько часовъ, у самаго-же города, совершено было еще болѣе звѣрское убійство капельмейстера одного изъ линейныхъ батальоновъ, расположенныхъ въ городѣ.

Эти убійства вызвали, понятно, самыя суровыя репрессивныя мѣры со стороны тюремной администраціи. Были даже оцѣнены головы бѣжавшихъ преступниковъ. По бѣглымъ устроена была формальная

*) Каторжныя команды были расположены въ 9 верстахъ отъ Владивостока, въ урочищѣ „Красный Мысъ“.

охота. Выстрѣлы, не всегда попадавшіе по адресу, были такъ часты близъ города, что по временамъ напоминали собою отдаленную канонаду,—но побѣги отъ всего этого только участились.

Нѣкоторое затишье наступило лишь послѣ того, какъ трое бѣглыхъ каторжниковъ были пойманы и казнены въ полуверстѣ отъ Владивостока.

..Спустя нѣсколько дней по возвращеніи изъ „каторжныхъ командъ“, я уже сидѣлъ на палубѣ японскаго парохода, увозившаго меня въ прекрасную „Страну Восходящаго Солнца“.

Роскошная природа Японіи, своеобразныя картины Китая и Кореи, чудные виды Индіи на нѣкоторое время заслонили отъ меня далекую родную окраину, съ которой я сжился и сроднился за время трехлѣтняго пребыванія въ ней, но не изгладили ее изъ моихъ воспоминаній и не заставили меня забыть о ней, ея желаніяхъ, нуждахъ, невзгодахъ. Настоящіе мои бѣглые очерки шлю ей, какъ свой первый привѣтъ съ далекаго европейскаго Запада.

К о н е ц ъ .

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
133	6	скромно	скромно жилъ
"	7	внезапно	и внезапно
142	4	вышинѣ	вершинѣ
188	2	помню	помнить
195	5	посѣщали съ имм	посѣщались ими
213	2	взглядовъ	взглядахъ
229	24	лаявиль	заявиль
239	2	образомѣ	образомъ
262	9	овъ	онъ
300	25	въ предѣлахъ	въ своихъ предѣлахъ
303	23	хуровыя	суровыя
305	35	ощущеніемъ	ощущеніямъ
347	27	поселеніе	населеніе
390	15	вопросить	выпросить
393	3	рѣченкѣ	рѣченки
404	2	выдра	Выдра
423	20	среды	среди
428	17	одно	одна
443	20	приникши	приникшій

12252

